

Ричард
БАХ

НИЧТО НЕ СЛУЧАЙНО

Ричард
БАХ

НИЧТО НЕ СЛУЧАЙНО

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
БЗ0

Перевод с английского
И. Беляковой, А. Мищенко, О. Черевко, Ю. Винцюк

Бах Ричард

БЗ0 Ничто не случайно / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2011. — 288 с.

ISBN 978-5-399-00020-6

Эта книга Ричарда Баха — экскурс в его самые ранние произведения. Теплая и очень красивая книга, оставляющая у читателя ощущение пространства и страстное желание присоединиться к компании бродячих летчиков на собственном маленьком старинном самолетике с открытой всем ветрам кабиной.

Тысяча случайностей и тысяча друзей приходят к нам, чтобы показать, как преодолевать препятствия, с которыми, на первый взгляд, слишком сложно справиться в одиночку.

...И куда мы верим в свою мечту — ничто не случайно.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Richard Bach
Nothing by Chance
Copyright © 1969 by Alternate Futures, Inc. PSP

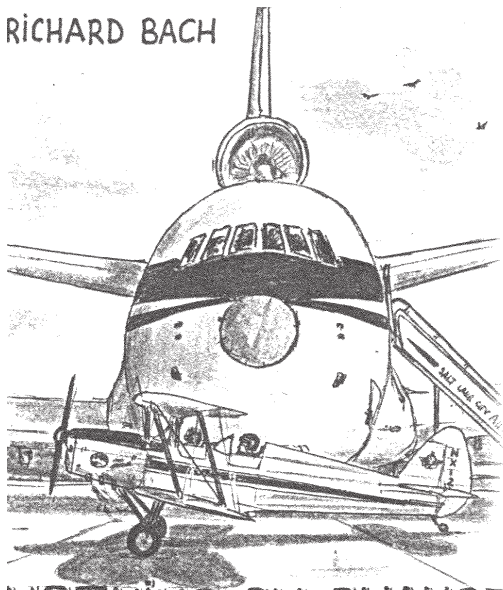
ISBN 978-5-399-00020-6

© «София», 2010
© ООО Издательство «София», 2010

НИЧТО НЕ СЛУЧАЙНО

RICHARD BACH

NOTHING BY CHANCE
A GYPSY PILOT'S ADVENTURES
IN MODERN AMERICA

Глава 1

Река вином струилась под нашими крыльями — темным июньским вином Висконсина. Ее глубокий пурпур перетекал из одного конца долины в другой и возвращался обратно. Дорога перепрыгивала через нее раз, другой, затем еще раз, словно отважный мячик, тянущий за собой бетонную нить.

По мере того как мы летели, вдоль этой нити возникали поселки цвета здешней молодой травы в конце весны, с деревьями, выкупанными в чистом ветре. Все это было узорчатой тканью начинающегося лета, а для нас — тканью приключения.

В двух тысячах футов над землей воздух вокруг нас был серебрист, резок и холоден, уходя ввысь над двумя нашими старыми самолетами так глубоко, что запущенный вверх камень пропал бы в нем навеки. Далеко вверху я едва мог различить отливающую сталью синеву самого космоса.

Оба эти парня доверяют мне, думал я, а я не имею ни малейшего понятия о том, что с нами будет. Что и сколько бы я им ни говорил, они все равно думают, что коль скоро все это моя затея, я, должно быть, знаю, что делаю. Надо было мне велеть им остаться дома.

Мы плыли в серебристом воздухе, словно пара пескарей в океане. Щегольской спортивный самолетик Пола Хансена то и дело вырывался вперед со скоростью сто

миль в час, затем разворачивался, чтобы не терять из виду мой огненно-красный, цветочно-желтый неторопливо пыхтящий летательный аппарат с открытой всем ветрам кабиной. Мы, словно коням, дали полную волю своим самолетам над просторами земли и позволили им улететь в свои родные времена, уцепившись за их гривы и надеясь увидеть золотой мир бродячих пилотов сорокалетней давности. В одном мы все были согласны — хорошие старые времена развлекательных полетов еще должны были где-то сохраниться.

Молчаливый и преисполненный доверия Стюарт Сэнди Макферсон, девятнадцати лет от роду, перегнувшись через борт передней кабины*, пристально вглядывался через янтарно-желтые парашютные очки в дно кристально чистого воздушного океана. У бродячих летчиков всегда ведь были прыгуны с парашютом, разве нет? — говорил он. — И такими парашютистами всегда были пацаны, которые таким способом отрабатывали провоз и пропитание, продавая билеты и развешивая объявления, верно? Я вынужден был признать, что именно так и было и что я не собираюсь становиться между ним и его мечтой.

Теперь он то и дело едва заметно улыбался самому себе, вглядываясь сквозь ветер вниз.

Мы летели в плотной пелене грохота. Мой двигатель (Wright Whirlwind) издавал рев и громохание так же громко и беззаботно, как в 1929 году, когда он был совсем новеньким — за семь лет до моего появления на свет, — и пропитывал нас вонью выхлопных газов и горячей смазки; он сотрясал нас в тугом потоке разрывае-

* В передней кабине (расположенной в центре тяжести самолета) располагался пассажир. Пилот управлял из задней кабины.

мого пропеллером воздуха. Юный Стью разок попытался что-то прокричать мне через пространство, разделяющее наши кабины, но его голос тут же отнесло ветром, и больше он и не пытался. Так мы узнавали, что бродячие пилоты не слишком много разговаривали в полете.

Река резко свернула на север и ушла от нас. Мы же по-прежнему летели над землей, в край невысоких, с мягкими очертаниями, поросших травой холмов, сверкающих на солнце озер и разбросанных повсюду ферм.

Вот оно... снова приключение. Мы втроем да два наших самолета — вот все, что осталось от того, что началось весной как Великий Американский Воздушный Цирк, Презирующие Смерть Мастера Воздушной Акробатики, Настоящие Воздушные Бои Времен Великой Войны, Захватывающие и Опасные Фигуры Высшего Пилотажа и Фантастический Затяжной Прыжок с Парашютом. (А также: Надежные Пилоты с Государственной Лицензией Поднимут Вас в Воздух, и Вы Увидите Ваш Город с Высоты. Три Доллара за Полет. Тысячи Безаварийных Полетов.)

Но в нынешние времена все остальные Великие Американские Авиаторы уже были связаны иными обязательствами; они повернули свои самолеты назад, в будущее, из Прери-ду-Шин, штат Висконсин, и бросили Пола, Стью и меня летать одних в 1929 году.

Доведись нам жить в это время — и мы бы отыскивали для приземления поросшие травой поля и пастбища поближе к городкам. Мы бы на свой страх и риск занимались воздушной акробатикой, находили бы себе платных пассажиров. Мы знали, что пять самолетов, цирк в полном составе, мог бы по выходным собирать толпы зрителей;

Глава 9

К пяти часам вечера, три дня спустя после второй аварии в нынешнем сезоне, биплан снова выглядел как летательный аппарат из альбома старого бродячего летчика: серебристые заплатки на обшивке, следы сварки на стойках, следы ожогов и свежей краски.

Мы прошлись по всем узлам креплений, проверяя, все ли на своем месте, по два раза проверяя каждую гайку, каждый винтик, и вот я снова сижу в знакомой кабине, мотор, прогреваясь, тихо постукивает. Это должен был быть контрольный полет для проверки качества сборки и прочности сварных швов на посадочном устройстве, — если шасси сломаются при взлете или крылья отвалятся в воздухе, тогда мы пропали.

Я дал газ, мы покатали, подпрыгнули в воздух. Шасси было в порядке, сборка в порядке. Он летел как отличный аэроплан.

— ИО-ХОО! — завопил я на высоком ветру, где никто не мог меня слышать. — ЗДОРОВО! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ТЫ, СТАРАЯ СКОТИНА! — И скотина счастливо рывкнула мне в ответ.

Мы забрались на высоту 2000 футов над озером и выполнили несколько фигур высшего пилотажа. Если крылья не отвалятся при перегрузке в несколько «g» и в перевернутом полете, то они вообще не отвалятся никогда. Первая петля потребовала определенного мужества, и я, на всякий

случай, проверил замки своего парашюта. Ветер, как всегда, пел в расчалках, а мы поднимались все выше, и переворачивались, по первому разу, с максимальной осторожностью, и глядели на землю у нас над головой, и плавно возвращались вниз. Потом петля покруче, в ожидании, что расчалки сорвутся на ветру либо начнет сползать обшивка. Но это был тот же самый старый надежный аэроплан, каким он был всегда. И наконец, самая крутая петля, которую я мог себе на нем позволить, и штопорная бочка, а он даже не пискнул.

Мы спикировали к земле и тяжело плюхнулись колесами о траву, проскочив над полосой с повышенной скоростью. Сделать это было нелегко, но я должен был дать шасси большую нагрузку, чем они когда-либо будут испытывать с пассажирами на борту.

Он выдержал все экзамены, и последнее, что мне оставалось сделать, — это убедиться, что заваренное посадочное устройство не внесло изменений в порядок управления самолетом при пробеге. Небольшое смещение колес шасси могло означать, что самолетом станет еще труднее управлять, чем когда-либо.

Мы спланировали на посадку, пронеслись над оградой и глухо ударились о землю. Держа руку на ручке газа, уперев ноги в педали управления, я ждал. Он чуть вильнул, но тут же отреагировал на газ. Мне показалось, что он стал чуточку своенравнее на земле, чем был прежде. Мы с торжеством подрулили к ангару Стэна, и пропеллер, покрутившись еще немного, замолк.

— Ну как он? — спросил Пол, как только мотор остановился.

— БЛЕСК! Может, стал капризнее самую малость при посадке, но в остальном — все класс.

Глава 12

Утром я первым делом проверил хвостовой костыль. Для того чтобы он держался, нужно было подмотать еще немного проволоки, а это означало, что придется приподнять хвост самолета и подставить под него несколько банок с маслом.

Пол стоял рядом, нахмурившись.

— Тебе не кажется, что ты можешь подсобить мне поднять хвост? — сказал я. — Стью, мы поднимаем, ты уже готов?

— Давайте! — сказал Стью, залезая под самолет с банками из-под масла.

Пол, очевидно, не услышал меня, потому что не сдвинулся с места, чтобы помочь.

— Эй, Пол! Почему бы тебе на минуту не прекратить сосать свою сигарету и не помочь мне?

Пол взглянул на меня так, будто я был каким-то отвратительным жуком, и направился ко мне.

— Ладно, ладно, я помогу тебе! Не суетись.

Мы подняли хвост и поставили его на банки с маслом, как на подставку. Через некоторое время мы отправились в город завтракать. Пол шел сзади молча. Он явно был не в духе. Каковы бы ни были его проблемы, думал я, это не мое дело. Если он желает пребывать в плохом настроении — это его выбор. Наш завтрак был самым безмолв-

ным и неловким из всех, которые я помню. Мы со Стью обменивались мнениями о погоде, о хвостовом костыле, опорах и подставках, о том, как они могут работать, но Пол за все это время не сказал ни слова, не издал вообще ни одного звука.

После завтрака мы все разошлись в разных направлениях, и в первый раз за все это лето мы пошли не в одну, а в три разные стороны. Это было забавно, однако озадачивало, потому что одна и та же волна депрессии охватила нас всех.

Ну и пусть себе дуются, думал я, шагая в одиночестве к аэроплану, это меня не касается. Если эти ребята хотят делать что-то другое и при этом чувствовать себя обиженными, я ничего не могу с ними поделать. Единственный человек, которым я могу управлять, — это я. Но я прилетел сюда, чтобы показывать людям, что такое полет, а не терять время на плохое настроение.

Я решил слетать в аэропорт, чтобы сменить масло в своем биплане, и сразу отправился туда; тем временем вернутся ребята, — это даже хорошо, что меня не будет.

Когда я снова вернулся на сенокос, Пол сидел на своем спальном мешке и писал записку. Он не сказал ничего.

— Слушай, приятель, — сказал я в конце концов. — Все, что ты делаешь, меня не касается, за исключением тех случаев, когда это мне начинает надоедать. А оно начинается. Что с тобой?

Пол перестал писать и сложил бумажку.

— Это связано с тобой, — сказал он. — Твое отношение изменилось. Ты ведешь себя не так, как раньше, с тех пор, как я вернулся. Сегодня я улетаю. Я отправляюсь домой.

Вот в чем было дело.

Глава 19

Дни проходили за днями, события августа сменились происшествиями сентября. Многочисленные ярмарки, где были особо вычищенные коровы и причесанные овцы, которые в ожидании того, кто их оценит, жевали чистейшую отполированную до блеска солому.

Монетки, дождем орошающие стеклянную посуду, издавая при этом напоминающий колокольчики звон, и песня продавцов: «Брось монетку в хрустальный бокал и забирай его, он твой. Брось монетку, получишь бокал, заберешь его домой...»

Тихие улочки, старые городишки, где театр превратился в автомагазин, а затем и вовсе закрылся.

Люди, которые еще помнят старые самолеты, помнят засухи и наводнения, урожайные и неурожайные десятилетия.

Тарелки с овсяным печеньем у миссис Флик, выложенным горками высотой в фут, три штуки за пять центов.

Женщины в костюмах американских первооткрывательниц на торжествах в маленьких городках, танцы на площадях и улицах.

Музыка, звучащая из динамиков, эхом отзывающаяся при свете звезд в крыльях биплана и гамаке бродячего пилота, который, вслушиваясь, наблюдает, как движутся галактики.

Огромный, словно гора, крепкий седой мужчина, Клод Шеферд, работающий на громадном Паровом Тракторе Кейза выпуска 1909 года. Двадцать тонн металла, несколько бочек воды, целые бункеры угля, огромные, просто невероятных размеров ведущие колеса — семь футов высотой. Я полюбил паровые двигатели еще с тех пор, когда был ребенком и сидел у бабушки на коленях. Самые мягкие двигатели в мире, паровые. Уже в пять лет я мог установить клапан... никогда этого не забуду, никогда не смогу разлюбить пар.

Пассажиры, пассажиры, мужчины, женщины и дети, поднимающиеся в воздух, чтобы потрогать небо, поглядеть сверху вниз на водонапорные башни небольших городков Среднего Запада. Каждый взлет не похож на другой, каждая посадка отличается от прочих. Каждый человек в кабине отличается от остальных, он отправляется в свое собственное маленькое путешествие. Ничего не происходит по воле случая, ничего нельзя объяснить просто удачей.

За рассветом закат, за которым снова рассвет. Море чистого воздуха, дождь, ветер, гроза, туман, молнии и снова море прозрачного чистого воздуха.

Солнце желтое, свежее и совсем не палящее, какого я никогда доселе не видел. Трава такая зеленая, что искрится под колесами. Голубое чистое небо, какими и бывают обычно небеса, облака — белее, чем снег на Рождество.

И самое главное — свобода.